

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЯСА ШЕЛКОВОГО ПУТИ

А. М. Байчоров

доктор философских наук,

профессор Белорусского государственного университета

Распад мировой социалистической системы и крах СССР оставили после себя сложное противоречивое наследство не только на западных границах социалистического лагеря, но и на восточных. Не секрет, что несколько десятилетий советско-китайская граница была насыщена минными полями, всевозможными противотанковыми заграждениями, вдоль нее были дислоцированы значительные воинские контингенты, пограничные инциденты со стрельбой возникали с регулярной периодичностью. Новые независимые государства – соседи КНР, возникшие на территории Советского Союза, не желали оставаться заложниками данной ситуации. В 1996–1997 гг. между ними и Китаем были заключены соглашения по мерам доверия и безопасности вдоль границы, а также о сокращении уровня военного противостояния. В результате заключения этих соглашений появился новый координационно-консультативный механизм, названный впоследствии Шанхайской пятеркой.

В течение нескольких лет Шанхайская пятерка добилась коренного перелома ситуации. От границы были отведены воинские части, прекратились столкновения со стрельбой, на место недоверия и взаимных подозрений пришло сотрудничество между пограничниками.

Растущая экономика КНР, необходимость искать новые источники сырья, энергоресурсов и рынки сбыта для ее развития заставили китайское руководство более внимательно отнестись к потенциалу центрально-азиатских государств. Составляя часть СССР на протяжении семидесяти лет, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан были связаны тысячами политических и экономических нитей с Россией. Москва эффективно контролировала местные элиты. И хотя в 1990-е гг. Россия не могла оказывать этим государствам масштабную кредитную и иную экономическую поддержку, но в силу традиционных связей, а также через механизмы

СНГ и ОДКБ оставалась главным внешним игроком в регионе Центральной Азии. Для китайского руководства было важно найти способ законного проникновения в регион. Таковым стала Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), созданная на базе Шанхайской пятерки.

С самого начала Пекин видел в этой структуре не столько механизм безопасности (хотя и эта функция была обозначена в Шанхайской хартии 2001 года), сколько механизм законного экономического проникновения на рынки центрально-азиатских государств.

Первоначально регион Центральной Азии не занимал приоритетного места во внешнеполитической стратегии Пекина. Основные китайские усилия были сконцентрированы на развитии и поддержании экономических связей с США, ЕС, Японией, странами АСЕАН. Центральная Азия рассматривалась как «стратегический тыл Китая».

После прихода к власти нового поколения китайских лидеров во главе с Си Цзиньпином (с октября 2012 г. – генеральный секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Китая) внешняя политика Пекина стала еще более целенаправленно защищать интересы китайского бизнеса на всех континентах. В западных столицах осознали, что в лице КНР имеют не только политического и идеологического оппонента, но и экономического конкурента, готового оказывать китайским компаниям прямую государственную поддержку (в том числе и льготными кредитами), экономического гиганта, ускоренными темпами модернизирующего свои вооруженные силы, и прежде всего военно-морской флот. Жесткую позицию Пекин занял в конфликте с Японией вокруг островов Сенкаку в Восточно-Китайском море и в конфликте с Филиппинами, Вьетнамом, Брунеем, Малайзией вокруг островов Спратли в Южно-Китайском море.

В умах западных политиков укреплялись идеи о необходимости сдерживания набирающего экономическую и политическую мощь Китая. Эти идеи нашли свое воплощение в целом ряде соответствующих шагов и инициатив. В январе 2013 г. было объявлено о начале переговоров по созданию Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП) между США и Европейским союзом. В марте 2013 г. Брюссель объявил о начале переговорного процесса по формированию зоны свободной торговли (ЗСТ) между ЕС и Японией. Вашингтон резко активизировал в 2013–2014 гг. переговоры по образованию Транстихоокеанского партнерства (ТТП), и в ок-

тябре 2015 г. соглашение по его созданию было подписано. То есть в Азиатско-Тихоокеанском регионе был создан интеграционный экономический блок, включающий 12 стран (кроме Китая). Совокупный валовый внутренний продукт стран ТТП сопоставим с ВВП Евросоюза. Все эти инициативы были справедливо расценены в Пекине как попытки переписать правила международной торговли за спиной ВТО [1, с. 144–145].

Руководители КНР начали поиск путей противодействия западной политике сдерживания. Одним из таких путей стала инициатива Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), нацеленная на повышение эффективности международных экономических связей. В мае 2013 т. премьер-министр Ли Кэцян в ходе своего визита в Исламабад озвучил намерение Пекина создать «китайско-пакистанский экономический коридор». Позднее на переговорах в Дели он предложил сформировать экономический коридор Китай – Бангладеш – Индия. 7 сентября 2013 г., выступая в Астане, президент КНР Си Цзиньпин официально озвучил инициативу ЭПШП, заявив, что «страны – члены и страны – наблюдатели Евразийского экономического союза и Шанхайской организации сотрудничества покрывают Евразию, Южную и Западную Азию, и мы можем получить огромное пространство для развития, укрепляя сотрудничество между ЕАЭС и ШОС» [2].

Таким образом Си Цзиньпин хотел показать возможность создать мощный экономический блок, способный успешно развиваться без западной экономической помощи, превратившись в перспективе в полноценного конкурента спонсируемой Вашингтоном и Брюсселем региональной экономической интеграции. Не случайно в первом программном выступлении, обосновывающем выдвижение инициативы ЭПШП (Астана, сентябрь 2013 г.), китайский лидер увязывает эту инициативу с ШОС. Фактически в Пекине пересмотрели свое отношение к этой организации. Если раньше ШОС рассматривался в качестве противовеса российскому (и американскому) влиянию в Центральной Азии, то сегодня эта организация становится инструментом продвижения инициативы ЭПШП.

В рамках инициативы предусматривается развитие шести сухопутных и двух морских экономических поясов. Из шести сухопутных поясов три будут проходить по нынешней территории ШОС (евразийский экономический коридор Китай – Центральная Азия – Европа,

экономический коридор Китай – Монголия – Россия, экономический коридор Китай – Центральная Азия – Западная Азия). А с учетом перспективы присоединения к ШОС Пакистана и Индии, пять из шести сухопутных поясов Шелкового пути пройдут по территории организации.

На заседании ШОС на уровне глав правительств в г. Чжэнчжоу (провинция Хэнань) в декабре 2015 г. Ли Кэцян предложил создать в организации шесть платформ сотрудничества. Первая – по вопросам безопасности. Вторая – по вопросам взаимодействия в сфере производства. Третья – по сотрудничеству в транспортной и коммуникационной сферах. Четвертая – по сотрудничеству в финансовой сфере. Пятая – по региональному торговому сотрудничеству. Шестая – по сотрудничеству в социальной сфере.

В рамках первой платформы Ли Кэцян предложил подписать договор по борьбе с экстремизмом. Он заявил: «В мире не существует сплоченной силы, чтобы противостоять Исламскому государству, и мы не наблюдаем подобных усилий со стороны ООН. Китай надеется запустить антитеррористический кооперативный механизм в рамках ШОС» [3, р. А1]. В рамках второй платформы предлагается резко усилить промышленную кооперацию между странами – членами ШОС. В качестве примера может служить такая кооперация между КНР и Казахстаном, в которой задействовано 52 проекта, включая автосборку.

В рамках третьей платформы предполагается построить транспортные коридоры между странами-членами и усилить сотрудничество в сфере электронной коммерции.

В рамках четвертой платформы Китай предлагает решить наконец вопрос о создании Банка развития ШОС и подписать соглашения о проведении валютных свопов, чтобы обезопаситься от региональных финансовых рисков. (До недавнего времени Россия блокировала создание Банка развития ШОС, в котором очевидно доминирующую роль играл бы Китай, и предлагала взамен образовать Фонд развития ШОС.)

Итогом сотрудничества в рамках пятой платформы, по мысли китайских стратегов, должно стать формирование зоны свободной торговли ШОС. (Опасаясь ущерба для местной промышленности, против этой идеи высказывается Узбекистан, да и Россия не является ее энтузиастом.)

В рамках шестой платформы основное внимание должно быть уделено решению вопросов обеспечения продовольственной безопасности.

Фактически эти шесть платформ сотрудничества, предложенные Ли Кэцяном, означают перенесение идеологии и практики ЭПШП на пространство ШОС. Пекин, разочарованный инертностью организации в сфере экономического сотрудничества, видимо, решил переподчинить «экономический компонент» ШОС своей новой инициативе. Директор Центра по исследованиям Восточной Азии и ШОС МГИМО А. Лукин считает, что для того чтобы ЭПШП окончательно «не съел» ШОС, последней необходимо сделать, как минимум, три шага: 1) добиться полноценной активности от Энергетического клуба ШОС; 2) запустить, наконец, Банк развития ШОС; 3) создать агентство по координации инфраструктурных проектов между ШОС и ЕАЭС [4].

В заключение несколько слов о перспективах ШОС в свете создания ЕАЭС и активного продвижения китайской стороной инициативы ЭПШП.

По инерции ШОС какое-то время будет оставаться форумом для обсуждения вопросов безопасности в зоне своей ответственности и механизмом гармонизации интересов России и Китая в Центрально-Азиатском регионе. Создание ЕАЭС давало Москве возможность укрепить свою роль в регионе. Однако этого не случилось. Не случилось по ряду причин: 1) Россия оказалась под экономическими санкциями Запада и вынуждена была искать поддержку в Пекине; 2) КНР начала искать пути нейтрализации последствий целого ряда интеграционных проектов (ТТИП, ТТП, ЕАЭС, ЗСТ ЕС – Япония), нацеленных на экономическое сдерживание Китая; 3) в силу изменения конъюнктуры на международных рынках углеводородного сырья и по другим причинам старт ЕАЭС оказался фальстартом, резкое падение товарооборота между государствами-членами в значительной степени охладил их интеграционный пыл. В этой ситуации Москва вынуждена была пойти на допуск КНР в ЕАЭС через «сопряжение» последнего и ЭПШП. (Президент России В.В. Путин и Си Цзиньпин подписали соответствующее Совместное заявление 8 мая 2015 г. в Москве.) На фоне этого «сопряжения» развитие экономического компонента ШОС оказывается под большим вопросом.

Некоторые эксперты, в том числе А. Лукин, связывают перспективы ШОС с ее расширением. Однако, во-первых, обсуждение приема в члены организации Индии и Пакистана может занять неопределенно долгое время; во-вторых, Москва будет стремиться использовать участие Индии в ШОС для уравнивания китайского влияния в организации, что, естественно, не понравится Пекину. При таком раскладе, даже если прием Индии и Пакистана когда-нибудь в среднесрочной перспективе и состоится, то это не упростит, а усложнит процесс принятия решений в ШОС.

В итоге может оказаться, что ШОС и ЕАЭС станут декоративными осветительными столбами вдоль широкой столбовой дороги (Шелкового пути). Их функции будут полезны, но по большому счету не так уж и необходимы для организации бесперебойного движения по этому пути.

Библиографические ссылки

1. *Байчоров А.М.* Китаизация: последствия роста мощи Китая для мира в XXI веке. – М. : Междунар. отношения, 2013. – 192 с.
2. *Сыроежкин К.* К итогам визита Си Цзиньпина в Центральную Азию: Казахстан // Carnegie Endowment for International Peace, 16.09.2013. – <http://carnegieendowment.org/2013/09/16/к-итогам-визита-си-цзиньпина-в-центральную-азию-казахстан/gnal>; access : 16.11.2014.
3. SCO to forge closer economic ties // South China Morning Post. – 2015. – 16 December.
4. *Lukin A.* Shanghai Cooperation Organization: Looking for a New Role // Russia in Global Affairs, 10 July 2015. eng.globalaffairs.ru/valday/Shanghai-Cooperation-Organization-Looking-for-a-New-Role-17576 Access : 30.03.16.